

Орешин Петр Васильевич

Людишки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П30

П30 **Петр Васильевич О.**
Людишки / Орешин Петр Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2026. –
214 с.

ISBN 978-5-521-26411-7

ISBN 978-5-521-26411-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чуть-чуть не залепили его, Хватая, в скворешне на веки вечные. Хватай едва выбрался. А потом бился с тремя остервеневшими скворцами сразу, но, несмотря на свою отчаянную храбрость и силу, должен был отступить, потому что пара скворцов засела в скворешню и два толстых клюва высунулись оттуда, как два черных орудия, заряженные отборной скворчиной руганью. Гвалт был ужасный, и Хватай улетел тогда из сада с выщипанным хвостом, измятый и растрепанный весь, как шайтан.

Большой светло-серый, четырехэтажный каменный дом, с множеством балконов и балкончиков, с четырьмя каменными воинами на крыше, дом возле бульвара, в центре, покрытый стеклом и жестью, дом, который и теперь часто снится Хватаю, после тщательного осмотра оказался совсем уже не таким удобным и гостеприимным, ибо на чердаке множество кошек, и ночью весь чердак бежит в темноте зелеными огоньками кошачьих глаз, обшаривающих каждый угол и щелку. Один очень старый и очень ворчливый от старости воробей, хромой, с закрывшимся глазом, сидя на проводе и покачиваясь туда и сюда, хрипло рассказывал Хватаю, что этот громадный дом когда-то весь был переполнен богатыми воробьиными гвездами, и жилось всем прекрасно, но вот появились эти хищные зеленоглазые черти с вьющимися хвостами и в одну ночь разгромили чуть ли не половину всего воробьиного населения. Конечно, после таких невероятных ужасов воробьи разлетелись, и чердак роскошного дома превратился в пустыню. Хватай с недовольным видом, опустив хвост, выслушал страшную повесть, еще раз проверил чердак и нашел, что дом хорош, но для постоянного местожительства непригоден совсем, ибо кошки — рыжие, белые, черные, пегие, всякие — на каждом шагу, за каждой трубой, в каждом темном углу...

Наконец, Хватай попал на край города. Тут, на окраине, возле какой-то очень вонючей фабрики, ему подвернулся

небольшой домик с новыми ставнями, под новой тесовой крышей, пахнувшей свежим сосновым лесом. Но поселиться под крышей этого домика Хватай не решился. Домик был мал, низок и на него постоянно со всех сторон карабкались ребятишки, швыряли камнями и так гадали на крыше, что у Хватая, присевшего отдохнуть под тесиной, через несколько минут перья на голове поднялись дыбом.

Целых два месяца скитался таким образом бедный Хватай по чужим крышам и гнездам, как последний бродяга, выискивая для гнезда постоянное место, и только уж впоследствии, когда обзавелся наконец собственным домом, после сытного завтрака или обеда, Хватай со смехом вспоминал все свои неудачи и пересчитывал в своем воробыином уме, сколько скверных дождей пролилось тогда на его бедную бесприютную голову.

Хватай поселился на неизвестной ему улице. Старый деревянный двухэтажный дом с крышей, промшовой зеленью, казался таким же древним и ветхим, как люди, которые его когда-то строили. И напрасно тот рыжий вихрастый человек с перевязанным флюсом так яростно долбил тогда желтой кистью под гнездо перепугавшегося Хватая. Желтая краска, яркая, праздничная, скоро потрескалась, облупилась, почернела и разъехалась от дождей бестолковыми полосами, крестами и зигзагами. Старый дом показал свою старость, дряхлость, угрюмость, затхлость, черноту и заброшенность. Но в нем все-таки жили. Оба этажа были заняты, и в двенадцати окнах, больших и страшных, белели тюлевые и коленкоровые занавески. Мало того, даже парадный подъезд сохранился, и на одной половине сивых ворот с покачнувшимися столбами и низкой калиткой был приколочен черный жестяной сапог, и жители города по этому знаку сразу догадывались, что во дворе этого дома под № 27 проживает сапожник.

Когда Хватай голым птенцом сидел в родимом гнезде, отец его, старый кривой воробей с общипанным задом учил: не скакать под ногами людей, лошадей, коров и не вертеться под колесами. Старый кривой воробей знал очень много таких храбрецов, которые лезли, куда их не просят, и все они, эти храбрецы, погибли глупой ужасной позорной смертью. Так говорил старый кривой воробей с общипанным задом, сидя над желторотым Хватаем. Но Хватай только насмешливо щурил глаза, не верил Кривому, и как только оделся перьями, решил самостоятельно вылететь из гнезда.

Однажды в полдень на окраинной улице, зеленой от палисадников, было пустынно и тихо. Хватай высунулся из-под крыши и посмотрел вниз на зеленую травку. Крыша одноэтажного домика была невысокая, но Хватай вздрогнул и попятился назад в гнездо. Потом высунулся опять, зачарованный опасностью, но подоспевшие отец и мать силой вогнули в гнездо. Кривой дал ему какую-то очень невкусную муху и вместе с матерью вылетел на улицу. Хватай выплюнул муху, посидел, подумал, вспомнил зеленую травку, небо, солнце и снова высунул голову. Сердце его распирало восторгом, когда он представлял себя летящим через улицу мимо зеленых акаций. Иногда он летал даже во сне, падал, вздрагивал, будил родителей и получал от Кривого в затылок.

Щурясь на солнце, Хватай весело замахал крыльями. Крылья работали бойко, приятно шумели перьями, и Хватаю казалось, что он летит прямо через улицу. Но это только казалось ему, а на самом деле он крепко держался лапками за гнездо и не двигался с места. Но вот однажды когти Хватаю не выдержали, сорвались, и Хватай кубырем полетел из-под крыши вниз. Еще момент — и Хватай расшибся бы на-смерть. Его кинуло в жар, когда он почувствовал

под собой землю. Ему показалось, что он ударился. Напряг силы, дернул молодыми задорными крыльями и вдруг, вывернувшись из неловкого положения, тяжело начал подниматься на оттопырившуюся ветку какого-то дерева.

На ветке у него дрожало все тело: ноги, грудь, крылья и даже хвост. Такого простора и света он еще никогда не видал. От страха он хотел возвратиться под крышу, но разбежавшиеся глаза никак не могли отыскать то место, откуда он вылетел. Пока он думал, пять человек босоногих ребят заметили его и ватажной кучей бросились под самое дерево. Хватай сидел на высоте трех аршин от земли. Несколько грязных рук потянулось вверх. Хватай струсил, у него сразу расстроился желудок, и один мальчишка в розовой рубашонке долго потом отплевывался и под смех товарищей грязным рукавом вытирал губы и нос. Хватай хлопнул крыльями и хотел было подняться в воздух, но тут чья-то рука ухватила его за хвост и кто-то крикнул: — Хватай!

Бедный Хватай рванулся всем телом, и несколько перьев из его хвоста осталось в руках засмеявшегося мальчишки. Хватай поднялся на воздух. У него потемнело в глазах, появились даже тошнота и слабость, но в этот момент откуда-то подлетел Кривой, подтолкнул Хватаю снизу в брюшко, и Хватай вместе с ним благополучно домотнулся до крыши.

Прошло две недели, четырнадцать дней, рискованных упражнений и тренировки под надзором отца и матери, и Хватай научился летать не хуже самого Кривого: уверенно, быстро, легко и всегда в цель — прямо на конек синего домика. Но вот однажды Хватай сел на забор и преспокойнейшим образом стал расклеивать какую-то букашку. Вдруг в забор хлопыстнуло камнем, да так хлопыстнуло, что Хватай от внезапного грома и ужаса едва не свалился на-земь. Солнце погасло, и вокруг разлилась непро-

глядная тьма. Хватай скукожился, огляделся и увидел за деревом человека. Человек был на порядочном от Хватая расстоянии, и Хватай победоносно чирикнул. Но не успел он проделать и пяти скачков, как неожиданный удар камня в край оттопыренного крыла свалил его с ног. Хватай перекувырнулся раз двадцать, неловко встал на ноги и быстро захлопал крыльями. Вслед ему прожужжал еще камень, и серая пыль узкой полосой, как змея, пронеслась вдоль горячей дороги.

Хватай сел на крышу и почувствовал тупую боль в правом крыле. Но Кривой больше не ругал Хватая, а мать бросила кормить букашками. И Хватай понял, что родители перестали теперь быть для него тем, чем они были. И они правы, эти хитрые старики. Хватай вырос, его крылья окрепли, короткий клюв ловит кузнецов на-лету, когти остры и сильны, а его молодость дает ему право на борьбу за свое собственное существование.

Хватай не полюбил человека. По утрам он стал чаще заглядывать на большой постоянный двор в конце улицы. Громадные покосившиеся ворота двора всегда были настежь, и в самом дворе, под широким навесом, зимой и летом стояли лошади. Хватай полюбил рыться в навозе и вылавливать из него вкусных червяков, козявок и овсяные зернышки. Но лошади, как выяснилось потом, имели тоже очень дурную привычку — бить копытами. Это нехорошо. Каждая лошадиная нога вселяла в запуганного Хватая панический ужас, каждая нога вырастала в его глазах до размеров мальчишки, который выдрал у него из хвоста недавно целый клоч перьев. И он не ошибся. Однажды на его глазах один его очень хороший приятель, сосед по крыше, молодой и породистый воробей Скакун, увлеченный добычей зерна, погиб ни за грош под копытами белой ноги, ударившей Скакуна прямо по черепу. Это был очень хороший урок Хватаю. И Хватай потом всю свою

жизнь, не боясь лошадей, боялся страшных, толстых лошадиных ног, которые, по его мнению, были не столько злы, сколько глупы. Но это не меняет дела.

Хватай пришел к птицам. И птицы оказались не лучше кошек, людей и лошадиных ног. Когда Хватай однажды возле курятника хотел схватить из-под петуха зерно, то петух с такой силой долбанул его в бок, что у Хватай загорелся в глазах и курятник, и сам петух, и весь белый свет. Курица драмась тоже отчаянно. Коршун, которого Хватай за всю жизнь не видал ни разу в глаза, казался когтистей кошки, даже коршуновой тени Хватай боялся... Словом, все птичье царство в глазах Хватай по кровожадности ничем ровно не отличалось от двуногих и четвероногих животных, и только голуби, благородные, кроткие мещане, заслужили некоторое доверие. Но Хватай, после множества полученных трепок, был осторожен и к голубям, ибо в душе честно думал, что и они, облеченные в кротость, при случае, из-за какого-нибудь несчастного зерна, тоже долбанут в затылок — своих не взвидишь.

Таким образом в одно прекрасное время Хватай испытал на своей собственной шкуре, что такое одиночество. Каждое утро он сидел на крыше один, и только в одиночестве понял, что своими родными, близкими и друзьями могут быть только свои же, близкие, воробьи, те, в ком течет одна кровь и бьется одно общее воробьиное сердце. И Хватай полюбил воробьиные стаи. Сытые, здоровые, вольные, все под одно перо, толкаясь и задевая друг друга крылом, летят воробьи. Летят они шумно и весело через заборы и крыши, через дворы и деревья — с крыши на крышу, с забора на забор, со двора на двор, с дерева на дерево, из улицы в улицу. Хватай орет во все горло... А так как горло у него было широкое и орал он здорово, а крылья у него сильные, и острые когти разрывают кузнечика пополам в один нажим, — его полюбила Любка,

сама полюбила, так что Хватай даже и не заметил, как это случилось. Но Любка тем не менее приглянулась Хватаю, и он в желтых кустах акации не раз объяснялся ей в жаркой любви, а потом ушел от родителей, увел Любку под свою крышу и стал с ней жить.

* * *

Старый деревянный двухэтажный дом под № 27 в зимнюю пору, когда весь город завален снегом, казался моложе. На крыше снег лежал толстым пластом до самой весны, крыша трещала от тяжести, и бухгалтер Аким Федорович Пазушкин каждое утро, отправляясь на службу, задирал шею и, с ужасом глядя на громадные пласты снега, нависшего на окна его холостой комнаты, в уме рассчитывал: выдержит или не выдержит? И когда складывалось — выдержит, Аким Федорович Пазушкин успокоенно поднимал бобровый воротник шубы и медленными шагами, не торопясь, отправлялся на службу.

Часам к двенадцати дня из той же парадной двери на улицу показывался седенький старичок в громадном картузе с красным околышем, полковник в отставке, престарелый пенсионер, хозяин дома — Илья Захарович Мармеладов, в широченнейших темно-зеленых брюках, в старой шинели, с толстой суковатой палкой в руках. Пошлепав губами, Илья Захарович Мармеладов шел в дворникскую к дворнику Якову, всегда пьяному и взлохмаченному, и долго доказывал и внушал, что Яков — пьяница, Яков — подлец, Яков — дармоед и лентяй, которому он, Илья Захарович Мармеладов, совершенно напрасно платит девять рублей пятьдесят копеек в месяц, что снег на крыше скоро провалится в комнату бухгалтера Акима Федоровича Пазушкина, и тогда Аким Федорович Пазушкин, бухгалтер, посадит его, подлеца Яшку, в тюрьму за все нанесенные ему убытки и неприятности. Но Яков слушал хозяина дома, Илью

Захаровича Мармеладова, как некоего выходца с того света и, навертывая на ноги бумазеевые портянки, вполголоса крыл его матом. Илья Захарович Мармеладов, полковник в отставке, глух был на оба уха и потому, выходя из дворницкой, не знал совершенно: будет Яков сегодня крышу и двор расчищать или не будет? Двор, конечно, с каждым днем все шире и шире разрастался сугробами, полиция беспокоила Илью Захаровича Мармеладова угрожающими повестками, а старая крыша подгибалась под тяжестью снега все ниже, и бухгалтер Аким Федорович Пазушкин слышал по ночам, лежа в постели, как над самой его головой трещат старые деревянные балки.

Хватай в зимнюю пору спал вместе с Любкой по шестнадцати и даже по семнадцати часов в сутки и во сне ему снилось каждую ночь такое, отчего по утрам пропадало всякое соображение, и он долго сидел, выпучив на Любку глаза, и придурковато осматривался.

В зимнюю пору Хватай видел во сне весенние дни, солнце, дожди, водосточные трубы, из которых серебряными ломтями вываливается вода, и первую прозрачную зелень, в которой хорошо поскакать по сучьям, погреться и приласкать Любку. Снились теплые лужи. Хватай мылся в лужах обыкновенно, когда у него очень чесалось. Любка плескалась в воде с утра до вечера. Иногда Любка заражала своим купаньем Хватаю, и Хватай слетал к ней под зеленую водосточную трубу и тоже, войдя по колено в воду, хлопал крыльями и сидел до тех пор, пока и голова, и крылья, и хвост не становились мокрыми. Любка визжала. Хватай брызгал в Любку обоими крыльями, а когда Любка начинала сердиться, отскакивал в сторону, на солнечный припек, и плясал от удовольствия, круто выпяливая перед Любкой грудь. Жирные, сладкие, отъевшиеся кузнецы синели и розовели на лету крыльями. С темных кленов и тополей падали зеленые огоньки —

зеленые пушистые червяки. В осень летит желтый лист. Воробьи раздобрели, отяжелели, сидят на заборах и дремлют.

Такие шли сны. А утром в большой голове Хватай стоял туман, и спросонок он долго не мог решить, где он и что сейчас: весна ли, зима ли, лето ли,— и только голодная под боком Любка выводила его, наконец, из дурацкого его состояния.

Хватай выскакивал из гнезда и по привычке садился на край черной трубы, с которой видно весь город — белый, как из извести: белые колокольни, белые пожарные каланчи, белые здания, площади, улицы, палисадники, лошади.

Начиналась охота. Хватай обшаривал подворотни, дворы и курятники, рылся где-нибудь под крыльцом или летел на Митрофановскую площадь, на которой какая-то сердобольная старушка кормила голубей, или плясал возле булочной, или нахально врывается в какой-нибудь хлебный амбар и хватал срыву, полный рот сразу — себе и Любке. Иногда они оба копались на дороге в дымящейся куче после лошади, и тут Любка работала ногами не хуже курицы. Если добыча была богатой и зоб распирало зерном, Хватай и Любка где-нибудь в сторонке, возле палисадника, под забором зарывались по горло в снег и поднимали вокруг себя веселую снежную метелицу. Но купанье в снегу случалось редко. Чаше Хватай и Любка сидели впроголодь. Иногда голодала целая стая, облипала какой-нибудь серый кустишко и поднимала такой вопль, что некоторые из прохожих, ошарашенные воробьиным криком, принимали это за веселую песню, тогда как этот неистовый крик был всего-навсего отчаянным воплем голодных иззябших бродяг, не имеющих выхода из своего ужасного положения. Потом город вместе со снегом и ветром накрывала долгая ночь. Холод прожигал до печенок, и Хватай с Любкой засыпали в гнезде, тесно прижавшись друг к другу, в обнимку.

Шла шестая весна Хватаю, и весна эта была краше всех весен: ранняя, зеленая, теплая и многоводная.

Во дворе старого деревянного дома под № 27, за открытыми воротами, перед домом сапожника Емельяна Феоктистова, под самыми окнами развернулась сирень. Хор воробьиных глоток в зеленых кустах заливался с утра. А в окошке, за мягким шелестом прозеленевших акаций, за белой в одну сторону занавеской чернела нечесаным волосом голова сапожника Емельяна Феоктистова, и бойко постукивал молоток по подошве, вгоняя деревянные гвозди. Лохматый затылок сапожника Емельяна Феоктистова в окошке плавал за зеленью, как его собственный густой голошище, прерываемый хриплым кашлем и громким плевком в лохань.

Воробьиные стаи в улицах, в переулках, на площадях пели на заборах и крышах, как сумасшедшие. Пел даже Хватай, несмотря на то, что он всего только несколько дней назад попал птичнику в сеть, и птичник, озорной парень, из баловства остриг ему хвост.

Весной воробьям спится плохо, и Хватай поднимался рано. Но из гнезда вылетал не сразу. Проснувшись, он еще некоторое время не открывал глаз, дремал и сквозь дрему слушал рассыпчатое петушиное пенье. Петухов в городе было множество, и с разных кондов города долго перекликались они. На крыше Хватай, разоженный солнцем, плясал вокруг Любки, плясал и кричал и не знал куда прыгнуть, и прыгал по всей крыше, и кричал благим матом, не щадя глотки. За ним, за пружинным и легким, скакала Любка и тоже кричала что-то. С красной кирпичной каланчи пожарный часто заглядывался. Хватай скакал грудью и боком. Хватай скакал грудью навывкат и орал «чик-чи-рик» с такой силой, что у него дрожал от напряжения весь зад. А Любка, светлее его пером и меньше ростом, гналась следом и не могла угнаться.